

А.В. Чудинов
Государственный академический
университет гуманитарных
наук, Москва

ФЕМИНИСТКАМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ **(Размышления о книге А. В. Гладышева)**

Анализируя новую монографию профессора Саратовского университета А.В. Гладышева «Мушка в паутине. Мир глазами феминистки XIX века» (Москва, 2021), автор эссе пытается на примере ее главной героини, сенсимонистки и феминистки Сюзанны Вуалькен, выявить мотивы мировоззренческого выбора, который делает человек. Он выдвигает предположение, что сделанный Вуалькен выбор не столько отвечал ее индивидуальным предпочтениям, сколько стал вынужденным бегством от личной трагедии, а заимствованные в среде сенсимонистов принципы – своего рода компенсацией для нее за свою нереализованность в обычной жизни. Как только появлялась возможность подняться над своим социальным положением, Сюзанна на практике легко пренебрегала этими принципами, хотя и продолжала горячо отстаивать их на словах. Особенно ярко это проявилось во время ее путешествий в Египет и Россию, когда, преисполнившись как «просвещенная француженка» чувством превосходства над местными варварами, она позволяла себе действия, не отвечавшие тем идеям равенства и социальной справедливости, которые она не прекращала декларировать.

Ключевые слова: история, феминизм, сенсимонизм, Франция, Египет, Россия, Сюзанна Вуалькен, А. В. Гладышев

Благодарности: Статья подготовлена в ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект FZNF–2023–0003 Традиции и ценности общества: механизмы формирования и трансформации в контексте глобальной истории).

Цитирование: Чудинов А.В. Феминистками не рождаются (Размышления о книге А.В. Гладышева). <https://doi.org/10.32608/0235-4349-2023-1-56-411-422> // Французский ежегодник. 2023. Т. 56. С. 411-422.

Поступила в редакцию: 04.01.2023

Принята к печати: 22.02.2023

Alexander V. Tchoudinov
State Academic University
for the Humanities, Moscow

NOBODY IS BORN TO BE A FEMINIST
(Reflections on the book by Andrew Gladyshev)

Analyzing the new monograph by Professor of Saratov University A.V. Gladyshev *Little fly in the web. The world seen by a feminist of the XIX century* (Moscow, 2021), the author of the essay tries to trace the motives of the ideological choice of an individual by the example of its main character, the saint-simonist and feminist Suzanne Voilquin. He suggests that such a choice made by Voilquin did not so much meet her individual preferences as it was a forced escape from a personal tragedy, and the principles borrowed by her from the saint-simonists were a kind of compensation for her unsuccessfulness in ordinary life. As soon as she had an opportunity to rise above her social position, Suzanne easily ignored these principles in practice, although she continued to fervently defend them in words. This was especially evident during her travels to Egypt and Russia, when, filled as an "enlightened Frenchwoman" with a sense of superiority over local barbarians, she allowed herself some actions that did not correspond to the ideas of equality and social justice which she did not stop declaring.

Keywords: history, feminism, saint-simonism, France, Egypt, Russia, Suzanne Voilquin, Andrew Gladyshev

Acknowledgements: The study is realized in the State Academic University for the Humanities within the framework of the state task of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project FZNF-2023-0003 Traditions and values of society: mechanisms of formation and transformation in the context of global history).

Citation: Tchoudinov, A., (2023) Feministkami ne rozhdaiutsia (Razmyshlenia o knige A.V. Gladysheva) [Nobody is born to be a feminist (Reflections on the book by Andrew Gladyshev)]. <https://doi.org/10.32608/0235-4349-2023-1-56-411-422>. *Annual of French Studies*, 2023, vol. 56, p. 411-422.

Гендерная проблематика вошла в большую историографию относительно недавно. Помню, как в 1995 г., когда тему «Женщины, мужчины и исторические перемены: конкретные исследования о

значении гендерной истории» сделали (по соображениям, вероятно, скорее политическим, нежели научным) одной из трех основных на XVIII Международном конгрессе по историческим наукам в Монреале, это в широком научном сообществе многими было воспринято как экзотика. Настолько, что авторы официального сообщения Российского комитета историков об участии в конгрессе даже не упомянули о том, что такая тема там обсуждалась¹. И действительно, трудно было всерьез воспринимать это собрание экзальтированных дам, подчеркнуто небрежно одетых и демонстративно пренебрегавших макияжем, которые держались особняком от остальных участников форума и выступали с не слишком затейливыми сообщениями о том, как в разные времена женщины страдали от мужской «фаллокрации». Какой-то несчастный, зашедший послушать докладчиц и осмелившийся задать одной из них вопрос, был жестко поставлен на место председательницей: «Мужчинам не понять гендерной истории!». Обескураженный он покинул зал, и коллеги-мужчины, не рискнувшие войти туда вместе с ним и наблюдавшие за сессией из коридора, понимающе переглянулись: «Феминистки!».

Однако времена изменились. Теперь историки-мужчины смело вторгаются на когда-то табуированную для них территорию гендерных исследований, и своими трудами привносят в палитру таковых новые краски. Убедиться в этом читатель может, ознакомившись с недавно вышедшей в свет монографией профессора Саратовского государственного университета А.В. Гладышева «Мушка в паутине. Мир глазами феминистки XIX века»². Этот авторитетный специалист в изучении идей и биографии К.-А. де Сен-Симона³ на сей раз обратился к истории жизни последовательницы великого социалиста – Сюзанны Вуалькен (1801–1877), получившей известность не только как сенсимонистка, но и как одна из первых французских феминисток. О том, что она была всё же «одной из», а не самой первой, и о том, что у нее имелись кое-какие предшественницы, пусть и немногочисленные, читатель

¹ См.: Тихвинский С.Л., Чубарьян А.О. Об итогах XVIII Международного конгресса исторических наук // Вестник РГНФ. 1996. № 1. С. 297–304.

² См.: Гладышев А.В. Мушка в паутине. Мир глазами феминистки XIX века. М.: Политическая энциклопедия, 2021. 175 с. Далее ссылки на это издание даны в тексте в круглых скобках.

³ Гладышев А.В. Миры Сен-Симона. От Старого порядка к Реставрации. Саратов, 2003; Он же. Миры К.-А. Сен-Симона. Между Наполеоном и Людовиком XVIII. Саратов, 2014.

узнает из Предисловия книги, которое содержит краткий очерк истории зарождения французского феминизма.

Основное содержание книги никоим образом не представляет собою биографию главной героини, поскольку, предупреждает автор, «многие перипетии ее жизни – как частные, так и целые периоды (например, американский) – остаются неизвестными», ввиду отсутствия источников (с. 8). Это скорее попытка историка проанализировать особенности мировосприятия – «взгляд на вещи» – достаточно неординарной женщины, обусловленные ее убеждениями, к которым она пришла в результате своего непростого жизненного опыта и о которых исследователь может судить по ее мемуарам и письмам.

Изначально ничто не предвещало для Сюзанны Монье жизни хоть чем-нибудь выдающейся. Дочь простого шляпника или, как она сама о себе напишет, «бедный ребенок из народа, очень наивный и очень невежественный» (с. 20), работала вышивальщицей на фабрике, скрашивая досуг чтением дешевых романов. Встреть она тогда хорошего человека из своего круга и выйди удачно замуж, не было бы в дальнейшем никакого фейерверка идей и чехарды посещенных стран, никакого сенсимонизма и феминизма – безвестная жизнь, каких миллионы, согретая, однако, тихим женским счастьем в кругу семьи, среди детей, а потом и внуков. Но с любовью не повезло. Когда Сюзанне было двадцать, ей вдребезги разбил сердце соблаздивший и бросивший ее студент-медик. Когда ей исполнилось двадцать четыре, она стала женой рабочего Эжена Вуалькена. Любви не было, но годы торопили и, вспоминает она, очень хотелось детей. Увы, и с этим не повезло: из-за ранее перенесенного мужем венерического заболевания детей завести не удалось – три выкидыша. Оставалось искать утешения в религии. Ею для супругов Вуалькен стал сенсимонизм (с. 21)⁴.

В 1830 г., когда Сюзанна вошла в круг приверженцев идей Сен-Симона, сам создатель доктрины уже пять лет как покинул сей мир, а его ученик – Проспер Анфантен – выстроил движение именно как Церковь, в которой стал первосвященником – «Отцом». Сюзанне Анфантен понравился: «...Весь вид его выражал мяг-

⁴ См. так же: *Гладышев А.В.* Поиски новой духовной власти во Франции начала XIX века: казус Сен-Симона // *Французский ежегодник. 2004. М., 2004. С. 258–268*; *Гладышев А.В.* Поиски К.-А. Сен-Симоном новой духовной власти в годы Реставрации // *Многообразие религиозного опыта и проблемы сакрализации и десакрализации власти в христианском и мусульманском мире. Ч. 2. Саратов, 2005. С.158-179.*

кость, спокойствие сильной воли, красоту, очарование апостола будущего и женщин. Видя его, слушая его, мое сердце и моя женская гордость находили для него и только для него величественное имя Отец» (с. 22). Анфантен своей «властью» (официального развода во Франции тогда не было) освободил супругов Вуалькен от уз постылого брака, и Эжен, связав свою жизнь с другой женщиной, тоже сенсимонисткой, уехал в Америку. Сюзанна же осталась в коммуне и позднее вспоминала это время, как одно из самых счастливых в своей жизни. Однако счастье оказалось недолгим.

Женский вопрос оказался тем рифом, на котором корабль сенсимонизма потерпел крушение. «Отец» Анфантен полагал, что может и даже должен вступать в интимные отношения с состоящими в его общине женщинами, чтобы, как сформулировал другой видный сенсимонист С.А. Базар, «оказывать более непосредственное и более живое влияние на их чувства, мысли, действия и, следовательно, на их развитие» (с. 12). Сами сенсимонистки на это не роптали – назвала же Сюзанна «Отца» Анфантена «апостолом женщин», но слухи об «оргиях» в коммуне просочились вовне. В 1832 г. Анфантену и двум его сподвижникам «за оскорбление общественной нравственности» дали по году тюрьмы.

Несчастье так потрясло Сюзанну, что она решилась встать на защиту сенсимонистской «семьи», впервые выступив в печати. В издаваемой ее единомышленницами газете «Новая женщина» она опубликовала заметку «Мирный крестовый поход», в которой осудила мужчин – «владельцев женщин», клеветующих на сенсимонистскую «религию», и призвала женщин к борьбе за равноправие (с. 26). Начало было положено. Ее статьи с призывами к равенству полов стали выходить регулярно. И по ее же инициативе газете было дано более боевое название – «Трибуна женщин» (с. 29). Не стану вдаваться во все перипетии отчаянной борьбы ее и других «апостолов в юбках» за возможность донести свое мнение до общества – об этом подробно говорится в книге А.В. Гладышева, а сразу перейду на год вперед – к тому времени, когда истек срок заключения «Отца» Анфантена.

Выйдя в 1833 г. из тюрьмы, он объявил приверженцам, что отправляется на Восток – в Египет, дабы там основать колонию, в которой можно будет воплотить в жизнь его идеи о «новой семье» и «морали будущего» (с. 33). Встретившись с ним, Сюзанна пожелала ему хорошего пути и пожалела, что не может сопровождать

своего кумира. Однако вскоре сенсимонистское движение испытало новый удар: одна из наиболее экзальтированных сторонниц свободной любви покончила жизнь самоубийством вместе со своим возлюбленным, оставив манифест «Мой закон будущего», где, в частности, говорилось «Довольно материнства! Долой закон крови. Моя позиция: конец материнству» и т. д. Сюзанна, которая в своих статьях ранее тоже признавалась, что имей она детей, то с легким сердцем отдала бы их в приют (не сложно распорядиться тем, чего не имеешь), напечатала этот манифест в «Трибуне женщин» и, естественно, навлекла на себя бурю общественного неодобрения. Газета была закрыта, и Сюзанне ничего не оставалось, как отправиться в апреле 1834 г. с другими единомышленниками по стопам Анфантена – в Египет.

Новая страна – новые беды. И главной из них стала чума, охватившая Каир в январе 1835 г. Монография А.В. Гладышева содержит немало красочных подробностей жизни пораженного эпидемией города. Еще больше их в его статье, вышедшей в свет одновременно с книгой⁵. Мы же коснемся здесь лишь судьбы его героини.

Сюзанна отказалась бежать от чумы в Верхний Египет, как предлагал ей Анфантен, и осталась в Каире «изучать местных женщин». Это она делала, помогая врачу-сенсимонисту Шарлю Дюссапу ухаживать за больными и заодно осваивая основы акушерства. Эпидемия продолжала бушевать, унося всё новые жертвы, в том числе из круга сенсимонистов. В доме Дюссапа также все заболели чумой. Но если Сюзанна смогла победить болезнь, то сам доктор и его дочь, подруга Сюзанны, умерли. Бедной женщине, оставшейся без средств к существованию, с большим трудом удалось устроиться медсестрой в госпиталь. В таком качестве она не раз посещала гарем правителя Гизы Хасан-бея, о чем подробно рассказала в своих записках, как, впрочем, и о других сторонах жизни египтян.

Анализу ее записок А.В. Гладышев отводит отдельную главу, где, используя свой богатый опыт имагологических исследований⁶, подробно знакомит читателей с особенностями восприя-

⁵ Гладышев А.В. Чума в Египте 1834–1835 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 7 (105). URL: <https://history.jes.su/s207987840015412-2-1/>.

⁶ См., например: Гладышев А.В. Пришедшие с холода: восприятие «казака» населением Франции во время кампании 1814 года // История и историческая память. Межвуз сб. науч. тр. Саратов, 2013. Вып. 7/8. С. 28–55; Гладышев А.В. Казаки во Франции в 1814 г.: образ и коллективная память // Уральский исторический вестник. 2014. № 4 (45). С. 15–24; Гладышев А.В. 1814 год. «Варвары Севера имеют честь приветствовать французов». М., 2019.

тия образа Другого французской феминисткой. Если охарактеризовать таковые максимально кратко, а жанр эссе именно к тому нас и обязывает, то взгляд Сюзанны Вуалькен на египтян можно определить как снисходительно-пренебрежительный. Ей не нравится в них практически всё: и тот фатализм, с которым они переносят тяготы жизни, и чрезмерная, на ее взгляд, эмоциональность, в искренность которой она не верит, и религиозность, которую она со свойственным для французов послереволюционной эпохи скептицизмом в вопросах веры считает притворством. Сюзанна, не получившая хоть сколько-нибудь систематического образования («дитя народа») и не сумевшая никак себя реализовать в родной Франции, при встрече с иной культурой встает в гордую позу «просвещенной француженки», преисполняясь чувством превосходства по отношению к аборигенам и считая возможным иронизировать над их обычаями: «Самомнение Сюзанны как “исследовательницы женщин” привело ее в коптскую церковь. Когда священник протянул Сюзанне руку для поцелуя, она – к изумлению окружающих – пожалала ее на европейский манер. Ей казалось, что такой “протест” весьма уместен и остроумен» (с. 97).

Обряд бракосочетания, свидетельницей коего ей довелось стать, и вовсе спровоцировал у нее нескрываемое раздражение: «Вообще зрелище этой свадьбы, – отмечает А.В. Гладышев, – вызвало у Сюзанны ощущение “театральной беспомощности”. Это изобилие плотских страстей – свидетельство того, что этот “народ-ребенок” еще живет ощущениями, не познав пока настоящих чувств» (с. 95).

Пожалуй, наиболее сильно ощущение собственного превосходства Сюзанна испытывала в отношении женщин Востока. По крайней мере она старательно пыталась показать это в своих записках. Если верить ей, полнота египтянок чрезмерна, грудь из-за кормления детей вытягивается с годами так, что «не выдерживает сравнения с западными женщинами» (с. 108), а нравственность и вовсе хромает: «От француженок египтянок отличает отсутствие скромности – “истинного обаяния женщины Запада, которое обеспечивает ей достоинство и место в мире”» (с. 111). Это отсутствие скромности, по мнению Сюзанны, выражается в откровенном стремлении понравиться мужчинам, которому матери с детства учат девочек: «Быть привлекательной и чувственной, чтобы доставить удовольствие и удовлетворить прихоти хозяи-

на, даже сладострастной, чтобы получать от него драгоценности, украшения и достичь благополучия» (с. 111).

Если во Франции Сюзанна, подобно своим «сестрам» по сенсимонизму, с готовностью восприняла предложенную «Отцом» Анфантенем «мораль будущего» как протест против аскезы католицизма, то на Востоке она сама постоянно впадает в недюжинное ханжество, с неодобрением отзываясь и о желании мусульманок нравиться мужчинам, и об откровенной сексуальности танцев гречанок и африканок, и о нескромности «женской поэзии» коптов. Возможно, если бы ее собственная личная жизнь оказалась бы чуть более счастливой, Сюзанна проявила бы больше терпимости. Однако ее друзья-сенсимонисты предпочитали ей в Египте служанок из местных женщин. Оставалось только поучать других. Однако все попытки Сюзанны «довольно наивно при помощи сарказма и французского остроумия» просветить египтянок относительно того, как они, по ее мнению, должны жить, окончились крахом: тех всё устраивало и походить на француженок они (о ужас!) не хотели (с. 116–117).

В 1836 г. вслед за другими сенсимонистами, решившими вернуться во Францию, на родину уехала и Сюзанна. Там она окончила акушерские курсы, получила диплом и даже успела поработать по специальности в «пролетарском районе» Парижа. Однако уже в 1838 г., привлеченная слухами о высоких заработках акушерок на берегах Невы, отправилась в Россию за длинным рублем.

Но и с Россией у нее получилось не лучше, чем с Египтом – страна ей решительно не понравилась. Причинами тому были и суровый климат, и разница культур, и языковой барьер, и неудачный личный опыт: «Этническое, социальное, политическое, утопическое и даже гендерное переплелось в образе России, который вышел из-под пера Сюзанны: если “своя” Франция бессознательно ассоциировалась у нее с женщиной, то “чужая” Россия навсегда осталась для нее мужиком» (с. 129).

И опять, как в Египте, комплекс «просвещенной француженки», то есть особы гораздо более «цивилизованной», чем окружающие ее аборигены, заставлял ее видеть всё в темных тонах: «С. Вуалькен в одном из писем сама признается, что, будучи еще совсем недолго в этой стране, она смогла на тот момент только еще весьма поверхностно ознакомиться с русским обществом, а в первую очередь она познакомилась с “эпидермисом русского дво-

рянства”. Но, как только Сюзанна от констатации тех или иных проявлений русскими манер переходит к комментариям и рассуждениям, чувство меры ей изменяет, проявляется неожиданная агрессия, критические эскапады кажутся искусственными, мало связанными с изложением хода событий» (с. 143).

Причем в материальном отношении дела Сюзанны в России как раз шли неплохо и обеспечивали ей такой достаток, о каком она, очевидно, и мечтать не могла у себя на родине, поскольку, несмотря на постоянно подчеркиваемое в записках отвращение к местным реалиям, возвращаться во Францию не торопилась. К услугам французской акушерки прибегали многие знатные дамы, что открыло для нее двери домов аристократии и позволило общаться иногда даже с членами императорской фамилии. Однако пересказывая с удовольствием и в подробностях эпизоды своего соприкосновения с сильными мира сего, которое явно льстит «дочери народа», повышая ей самооценку, она всякий раз заканчивает такой рассказ той или иной воинственной сентенцией: осуждает русский «деспотизм», констатирует, что «Франция не боится этого колосса на глиняных ногах», или изрекает еще что-нибудь в этом роде (с. 143–145). Подобные диатрибы выглядят как неловкая попытка прикрыть тот факт, что образ жизни «верхов» ей самой, социалистке и вроде бы поборнице равенства, на самом деле весьма импонирует.

Еще в Египте она с удовольствием отмечала, что теперь у нее появились свои слуги, и ничуть не смущалась тем, что подобная эксплуатация чужого труда противоречила принципам сенсимонистского социализма. Но то же Египет, не Франция – тут всё может быть по-другому. И в России ни сама Сюзанна, ни ее «единоверцы» по сенсимонистской «религии» отнюдь не подавали личного примера обращения с простолюдными как с равными: «Сюзанна описывает, как сопровождавший ее в первой поездке на Медицинский факультет месье Роже нанял “извозчика” и назвал ему адрес по-французски. Когда же извозчик ответил: “не понимаю”, Роже – “натура достаточно нервическая” – бросил ему: “пошел, животное, я тебе покажу дорогу”. Когда же прибыли на место, он отпустил по поводу извозчика еще ряд “непарламентских” эпитетов, которые были приняты с невозмутимостью и спокойствием. И удивительно здесь то, что Сюзанна констатирует такую манеру общения просвещенных французов с местным населением, не осуждая, а скорее оправдывая своего приятеля: для нее по-

добное обращение, по всей видимости, не то чтобы “нормально”, но извинительно. Вопросом, зачем Роже, живший уже не первый год в России, заговорил с извозчиком на французском, Сюзанна не задается» (с. 147–148)⁷.

Вероятно, Сюзанна еще долго могла бы вести такое двойственное существование, кляня реалии чужой страны на словах, но с удовольствием пользуясь ими на практике, если бы ее судьба не сделала очередной трагический поворот: в 1846 г. Сюзанна переболела тифом и была вынуждена вернуться во Францию из-за резко ухудшившегося здоровья.

К сожалению, сведений о дальнейшем ее жизненном пути немного, и автор книги обозначает его лишь пунктиром. На родине, о которой Сюзанна так ностальгировала в России, она тем не менее не слишком задержалась и в 1848 г. уехала в Америку. Было бы интересно, конечно, сравнить ее восприятие этой страны с тем, что она писала об Египте и о России, но американский период жизни в ее записках отражения не нашел. В 1859 г. она приехала на год во Францию, потом опять отправилась в Новый Свет и только в 1864 г. окончательно вернулась на родину, чтобы провести свои последние годы в доме призрения, живя на пенсию, которую ей выделил «Отец» Анфантен.

Исследование, проведенное А.В. Гладышевым, помимо того, что освещает целый ряд ранее практически не изученных аспектов истории сенсимонистского движения и расширяет наши представления об особенностях восприятия французами образа Другого в XIX в., позволяет прикоснуться к такой эфемерной и трудноуловимой материи как мотивы мировоззренческого выбора отдельного человека.

Почему Сюзанна Вуалькен стала феминисткой и социалисткой? Отвечал ли этот выбор ее индивидуальным предпочтениям? Или ее уход в сенсимонистскую «церковь» стал всего лишь вынужденным бегством от личной трагедии, а заимствованные там принципы – компенсацией за свою нереализованность в обычной жизни? И почему, как только появлялась возможность, Сюзанна на практике легко пренебрегала этими принципами, продолжая горячо отстаи-

⁷ См. так же: *Гладышев А.В.* Дети Рабле: французенка о русском *prostom vine* // Новая и новейшая история. Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2007. Вып. 22. С. 88–97; *Гладышев А.В.* Символизм русского плевка // Образ «Другого» в поликультурных обществах: Материалы международной научной конференции. Пятигорск, 22–24 апреля 2011 г. Пятигорск; Ставрополь; М., 2011. С. 74–79.

вать их на словах? Может быть, именно они и были той «паутиной» (хотя в тексте книги данный образ использован в несколько иной связи), в которой всю жизнь билась несчастная «мушка»? Автор книги не дает прямых ответов на эти вопросы, оставляя читателю удовольствие найти такие ответы самому.

REFERENCES

- Гладышев А.В.* 1814 год. «Варвары Севера имеют честь приветствовать французов». М., 2019 [Gladyshev A.V. 1814 god. «Varvary Severa imeiut chest' privetstvovat' frantsuzov». Moskva, 2019].
- Гладышев А.В.* Дети Рабле: французенка о русском prostom vine // Новая и новейшая история. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 2007. Вып. 22. С. 88–97 [Gladyshev A.V. Deti Rable: frantsuzhenka o russkom prostom vine // Novaia i noveishaia istoriia. Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov. Saratov, 2007. Vyp. 22. S. 88–97].
- Гладышев А.В.* Казаки во Франции в 1814 г.: образ и коллективная память // Уральский исторический вестник. 2014. № 4 (45). С. 15–24 [Gladyshev A.V. Kazaki vo Frantsii v 1814 g.: obraz i kollektivnaia pamiat' // Ural'skii istoricheskii vestnik. 2014. № 4 (45). S. 15–24].
- Гладышев А.В.* Миры К.-А. Сен-Симона. Между Наполеоном и Людовиком XVIII. Саратов, 2014 [Gladyshev A.V. Miry K.-A. Sen-Simona. Mezhdur Napoleonom i Liudovikom XVIII. Saratov, 2014].
- Гладышев А.В.* Миры Сен-Симона. От Старого порядка к Реставрации. Саратов, 2003 [Gladyshev A.V. Miry Sen-Simona. Ot Starogo poriadka k Restavratsii. Saratov, 2003].
- Гладышев А.В.* Мушка в паутине. Мир глазами феминистки XIX века. М., 2021 [Gladyshev A.V. Mushka v pautine. Mir glazami feministki XIX века. Moskva, 2021].
- Гладышев А.В.* Поиски К.-А. Сен-Симоном новой духовной власти в годы Реставрации // Многообразие религиозного опыта и проблемы сакрализации и десакрализации власти в христианском и мусульманском мире. Ч. 2. Саратов, 2005. С. 158–179 [Gladyshev A.V. Poiski K.-A. Sen-Simonom novoï dukhovnoï vlasti v gody Restavratsii // Mnogoobrazie religioznogo opyta i problemy sakralizatsii i desakralizatsii vlasti v khristianskom i musul'manskom mire. Ch. 2. Saratov, 2005. S. 158–179].
- Гладышев А.В.* Поиски новой духовной власти во Франции начала XIX века: казус Сен-Симона // Французский ежегодник. 2004. М., 2004. С. 258–268 [Gladyshev A.V. Poiski novoï dukhovnoï vlasti vo Frantsii nachala XIX века: kazus Sen-Simona // Frantsuzskii ezhegodnik. 2004. M., 2004. S. 258–268].

XIX veka: kazus Sen-Simona // Frantsuzskii ezhegodnik. 2004. Moskva, 2004. S. 258–268].

Гладышев А.В. Пришедшие с холода: восприятие «казака» населением Франции во время кампании 1814 года // История и историческая память. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 2013. Вып. 7/8. С. 28–55 [Gladyshev A.V. Prishedshie s kholoda: vospriatie «kazaka» naseleniem Frantsii vo vremia kampanii 1814 goda // Istoriiia i istoricheskaiia pamiat'. Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov. Saratov, 2013. Vyp. 7/8. S. 28–55].

Гладышев А.В. Символизм русского плевка // Образ «Другого» в поликультурных обществах: Материалы международной научной конференции. Пятигорск, 22–24 апреля 2011 г. Пятигорск; Ставрополь; М., 2011. С. 74–79 [Gladyshev A.V. Simvolizm russkogo plevka // Obraz «Drugogo» v polikul'turnykh obshchestvakh: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Piatigorsk, 22–24 apreliia 2011 g. Piatigorsk; Stavropol'; Moskva, 2011. S. 74–79].

Гладышев А.В. Чума в Египте 1834–1835 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 7 (105). URL: <https://history.jes.su/s207987840015412-2-1/> [Gladyshev A.V. Chuma v Egipte 1834–1835 gg. // Elektronnyĭ nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriiia». 2021. T. 12. Vyp. 7 (105)].

Тихвинский С.Л., Чубарьян А.О. Об итогах XVIII Международного конгресса исторических наук // Вестник РГНФ. 1996. № 1. С. 297–304 [Tikhvinskii S.L., Chubar'ian A.O. Ob itogakh XVIII Mezhdunarodnogo kongressa istoricheskikh nauk // Vestnik RGNF. 1996. № 1. S. 297–304].

Чудинов Александр Викторович

доктор исторических наук,
профессор
Государственный академический
университет гуманитарных наук
119049, Москва,
Мароновский переулок, 26
главный научный сотрудник
Институт всеобщей истории РАН
119334, Москва,
Ленинский пр-т, 32а
e-mail: tchoudin@mail.ru

Alexander Tchoudinov

Dr. Hab. (History), Professor
State Academic University for the
Humanities
26 Maronovskiy pereulok 119049, Moscow
Chief Researcher, Institute of World History
of the Russian Academy of Sciences
32a, Leninski Ave., 119334 Moscow, Russia
e-mail: tchoudin@mail.ru
Researcher ID B-9655-2017
ORCID: 0000-0003-2522-453X
Scopus ID: 26034936800